

Георгий Полянский

Вечный
Рим

Георгий Полянский

Вечный Рим

«Автор»

2026

Полянский Г.

Вечный Рим / Г. Полянский — «Автор», 2026

Куда исчезла Римская империя? Никуда. Утром она перечисляет тебе зарплату — компания, у которой нет тела, но есть счёт и печать. Днём смывает за тобой воду. Вечером лежит в ящике книжечкой с гербом, где сказано, кто ты по закону. Эта книга — о том, как Рим придумал вещи, из которых собрана наша повседневная жизнь: юридическое лицо, городской водопровод, гражданство, завещание, собственность. Шесть глав идут от бытовой мелочи вглубь: почему компанию можно оштрафовать, но нельзя посадить; почему слова «я римский гражданин» останавливали занесённую над задержанным плеть; зачем завещанию свидетели и отчего у твоей ипотеки римское имя. И главное — почему всё это пережило саму империю. Рим изобрёл не мрамор, а приём: переплавлять живой факт в бессмертную форму, записанную в законе. Мы наследники Рима не потому, что носим его знаки, а потому, что другого способа удерживать государство от распада, который был придуман в Риме, у нас нет.

© Полянский Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Persona	5
Глава 2. Cloaca	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Георгий Полянский Вечный Рим

Глава 1. Persona

Утром ты приходишь на работу в свою компанию. У того места, куда ты пришёл, есть имя, счёт в банке и печать. Оно платит тебе зарплату, подписывает договоры, судится с поставщиком, задолжало налоговой и должно за аренду. Юридически оно живет многих живых.

А теперь покажи мне его. Не вывеску, не офис, не директора, не логотип на кружке — саму компанию. Директора можно уволить, из офиса — съехать, логотип — перерисовать, а компания останется той же. Поменяй всех до единого сотрудников — и это будет то же самое ООО, с тем же счётом и теми же долгами. Ты каждый день имеешь дело с кем-то, кого физически нет и на кого нельзя показать пальцем.

И этот кто-то не умирает. Основатель состарится и уйдёт, акционеры перепродадут доли, весь коллектив сменится дважды — а «Кока-Кола» будет всё той же «Кока-Колой», и договор, подписанный ею сто лет назад, всё ещё будет её договором. У неё отдельный от тебя кошелёк: её долги — не твои, а зарплата, которую она тебе должна, — не долг лично директора. Она может владеть зданием, которого не касалась ни одна её рука, потому что рук у неё тоже нет.

Мы к этому привыкли и не замечаем, до чего это странно. Компания, банк, университет, город, само государство — это «лица», которые ничего не весят, никого не рожали, не могут умереть и которых нельзя встретить на улице. Кто-то ведь должен был это выдумать. Из воздуха такая штука не берётся.

Эту штуку придумали в древнем Риме. У римлян было слово — *universitas*: не «университет» в нынешнем смысле, а вообще любое «объединённое в одно» — коллегия ремесленников, похоронное братство (люди скидывались, чтобы каждого достойно похоронили), жреческая коллегия, городская община, наконец сам римский народ, *populus Romanus*, как хозяин

казны. И римские юристы сделали ход, который мы теперь глотаем не жуя: они стали обращаться с этим объединением как с одним отдельным человеком.

Юрист Ульпиан сформулировал правило, которое до сих пор лежит в основании всего: *«si quid universitati debetur, singulis non debetur»* — если что-то должны корпорации, это не должны её отдельным членам; и наоборот, долг корпорации — не долг её людей поимённо. Одной фразой проведена граница, которой ты пользуешься каждый день: у объединения свой карман, отдельный от карманов участников. И там же, у римлян, второе чудо: *universitas* остаётся собой, даже когда все её люди сменились. Есть их замечание, что объединение — то же самое, хотя ни одного прежнего члена в нём уже нет, как река остаётся той же рекой, хотя вода в ней вся другая. Вот оно, бессмертие твоей компании, — прямо в тексте двухтысячелетней давности.

Корпорация у римлян могла владеть, брать в долг, давать в долг, судиться — через своих управляющих, по своим внутренним правилам. Всё то же, что твой работодатель делает сегодня.

Штука вышла обоюдоострая с самого начала. Тело, что переживает своих людей и держит общий кошелёк, — это ведь не только похоронная касса. Это ещё и то, что умеет сговариваться, давить на выборах, держать своих сенаторов в скрытом повиновении. Римская власть почуяла это сразу.

Юлий Цезарь распустил почти все коллегии, оставив лишь самые древние.

Тут надо пояснить, что это были за коллегии и почему их вообще распускали.

Коллегия — это и есть римское объединение: цех ремесленников, похоронное братство, землячество, религиозный кружок при храме. Вещь древняя и почтенная — предание возводило первые ремесленные коллегии аж к царю Нуме, второму римскому царю после Ромула. Веками они были мирной частью городской жизни: общая касса, общий праздник, бог-покровитель.

Но в последний век республики, когда Рим рвали на части уличные вожаки, кто-то смекнул, какое это оружие. Готовое объединение — это ведь уже спаянная, послушная своему главарю толпа, да ещё со своей кассой. Сенат почуял неладное и в 64 году до нашей эры запретил политические коллегии как рассадник смуты. Но в 58-м народный трибун Публий Клодий провёл закон, вернувший их к жизни, — и превратил в собственные боевые дружины. Дальше Рим несколько лет жил в поножовщине: банды Клодия и его врага Миллона резались на улицах, срывали выборы, а однажды толпа сожгла само здание сената, устроив на его месте погребальный костёр своему вожаку.

Вот эту заразу Цезарь, придя к власти, и вычистил. В 46 году до нашей эры он распустил все коллегии разом — кроме, как пишет Светоний, самых древних: тех исконных цеховых и храмовых братств, что никого не резали и стояли ещё со времён царей. Давил он не объединения как таковые, а превращение объединения в частную армию. А наследник его Август довёл дело до правила: хочешь коллегия — испроси дозволения; самовольные — вне закона.

Август закрепил порядок: хочешь объединение — испроси разрешения сената или императора, иначе ты - незаконное сборище. А как это выглядело на живом человеке — сохранилось в переписке. Плиний Младший, наместник в Вифинии, пишет императору Траяну: город Никомедия выгорел дотла, пока горожане беспомощно смотрели; дозвожь завести пожарную артель, человек полтора, я прослежу, чтоб не нагородили чего лишнего. Траян отвечает: нет. Дай им собраться под любым благим предлогом — и через год это будет не пожарная команда, а политический клуб (он так и пишет — "гетерия"). Пусть лучше всё сгорит.

Они уже увидели тогда, что корпоративное объединение — это сила, живущая своей жизнью помимо людей, — и именно поэтому её боялись. Тот самый нынешний страх, что «корпорации слишком сильны», с которым возятся антимонопольные ведомства, — родом отсюда.

Только не подумай, будто римляне были гении, а остальные лаптем щи хлебали. Греки прекрасно умели сбиваться в объединения: религиозные братства, торговые товарищества, общие кассы, и вели дела, что держались поколениями. Некоторые даже выпрашивали у афинского собрания право владеть землёй под свой храм — так, например, сделали купцы-финикийцы с Кипра в IV веке до нашей эры.

Но в глазах греческого закона такое объединение оставалось попросту суммой нынешних своих участников — вот этих конкретных людей, вместе взятых. Общим имуществом владел либо Бог, которому посвящён храм, либо доверенные лица, на чьё имя всё записано. Того, кто владел бы поверх людей, — не было. А значит, всякий раз это была отдельная поблажка: вот этой общине вот этот полис вот сейчас разрешил вот это. Милость, а не правило; личное исключение, которое надо выпрашивать заново и которое умирает вместе с тем собранием, что его выдало.

Римляне сделали два хода, которых до них не делал НИКТО. Первый: у них было слово *persona* — маска. Та самая, театральная, что актёр надевает на роль. Юристы стали думать о праве как о театре, где действует не плоть, а роль-маска: один и тот же человек разом и отец в семье, и гражданин на форуме, и сторона в сделке — это разные маски. А раз в праве действует маска, а не плоть, — её можно надеть и на то, у чего плоти НЕТ ВО ВСЕ: на общину, на казну, на братство. (Честно оговорюсь: до самой формулы «корпорация — вымышленное лицо» римляне не дошли — её, как мы сейчас увидим, надел уже средневековый папа. Но маску выточили в Риме.)

Второй ход важнее первого. Римляне не раздавали разрешения поштучно, а вывели общее правило и записали его: не «вот этому братству можно», а «объединение — само по себе субъект права, у него свой карман, отдельный от карманов участников» — годное для любого объединения. Занималось этим целое сословие юристов; они превращали живую практику в короткие сухие формулы вроде Ульпиановой.

Вот здесь и ответ, зачем это нам сегодня. Живой обычай нельзя увезти с собой: он прирос к своему народу и умирает вместе с ним. А записанное отвлечённое правило можно выкопать через тысячу лет и приставить к делу — что с римским правом ровно и проделали. Греческая поблажка финикийцам из Пирея сгинула вместе с Пиреем; римская формула пережила сам Рим — потому что была не милостью, а удачной мыслью, гениальность которой только в том, что сила этой идеи оказалась настолько мощной в силу стечения обстоятельств, что отказаться от неё стало так же невозможно, как отказаться от идеи мыть руки перед едой.

Римляне, сами того не заметив, подарили нам кое-что покрупнее любых корпораций: привычку, что «лицо» в праве — это роль, которую закон назначает, а не кусок плоти. На той же привычке потом выросло и то, что сегодня каждый человек, кем бы он ни был, всегда считается неким юридическим лицом перед законом. Сами римляне до этого не дотягивали — своим рабам маски-*persona* они не давали. Но станок, на котором эту мысль потом выточили, появился у них.

А что же Библия?

У древних евреев дело обстояло ещё дальше от римского — и совсем по-иному. Возьми собственность. По Риму «моё» — это моё против всех: волен продать, заложить, передать кому пожелаю. По Торе земля не твоя вовсе: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Левит 25:23). Израильтянин на своём наделе — арендатор у Бога; продать землю насовсем нельзя, каждый юбилейный год она возвращается роду. Там, где Рим выстроил вечного вымышленного собственника, Библия не даёт человеку даже собственное поле сбыть безвозвратно.

И связи между людьми Писание держит не на договоре, а на завете — брит. Римский договор — сухая сделка двух волей, обязательство, которое можно исчислить и взыскать. Завет — союз, чаще всего с Богом, скреплённый клятвой, бессрочный и нравственный, а не расчёт-

ный. Иной инструмент под иную задачу: не «кто кому сколько должен», а «чей ты и с кем ты навек».

А самого "вымышленного лица" в законе Моисея просто нет. И это не натяжка: когда корпорация в новое время добралась до еврейских законоучителей, многие прямо сказали — Тора не знает нечеловеческого тела как отдельного собственника, и пытались подверстать компанию под обычную складчину живых людей, под товарищество. Бессмертного, которого нет, в Писании взять неоткуда: там всё держится на живых — на человеке, на роде и на Боге.

Западная римская империя пала, но римские юридические тексты уцелели — их через века вычитывали заново (об этом отдельный разговор). А достроить идею до конца выпало институту, которому она была нужнее всех, — Церкви. И упёрлось это в простую земную задачу.

Монах даёт обет личной бедности: у него нет ничего своего. А монастырю нужны земля, здания, мельница, запас зерна. Кто всем этим владеет, если ни один монах владеть не вправе? Ответ придумали церковные юристы, а чётче всех выразил папа Иннокентий IV в середине XIII века: владеет сам монастырь — как отдельное лицо, не совпадающее ни с одним монахом. Иннокентий назвал такое лицо **persona ficta** — «лицо вымышленное», выдуманное. Придуманный человек, который существует только в праве.

И тут же оговорил пределы выдумки — с той трезвостью, которой нам сегодня не хватает. Раз это лицо ненастоящее, у него нет души: значит, его нельзя отлучить от Церкви и нельзя обвинить в грехе — грешат живые люди, а не выдумка. Корпорация может владеть и отвечать по договору, но каяться ей нечем. Мы до сих пор живём ровно в этой развилке: компанию можно оштрафовать, но нельзя посадить в тюрьму — сажают людей.

Дальше выдумка пошла в рост. Университеты — они и назывались **universitas**, объединением школяров и магистров. Ремесленные цехи, вольные города с их хартиями. Потом — торговые компании, которым дали складываться капиталом и делить прибыль. В XIX веке к этой конструкции добавили последнюю деталь — ограниченную ответственность в нынешнем виде, чтобы вкладчик рисковал только вложенным, — и получилось то самое ООО и АО, на которое ты работаешь. Но сердцевина — «объединение есть отдельное бессмертное лицо со своим карманом» — не менялась со времён Ульпиана.

А дальше выдумка показала зубы там же, где её достроили, — в Церкви. Монастырь-лицо не умирает: значит, земля, которую ему подарили или завещали, остаётся у него навсегда. Обычный держатель земли умрёт — наследники платят королю пошлину за вступление во владение; продаст — снова сбор; изменит короне — имение отходит казне. А бессмертный собственник не умирает, не наследует и короне не изменяет. Земля, попавшая к нему, выпадает из оборота целиком: ни наследных пошлин, ни выморочного имущества с неё уже не собрать — никогда.

Англичане называли это точно: *mortmain*, «мёртвая рука». Земля, зажата в кулаке, который не разожмётся. К XIII веку столько владений ушло в этот кулак, что короли ощутимо обеднели. В 1279 году Эдуард I издал статут: отдавать землю «в мёртвую руку» без королевского дозволения запрещено, нарушил — имение отбирают. Ровно то свойство, ради которого корпорацию и заводили, — бессмертие — обернулось такой угрозой казне, что против него пришлось писать законы.

А самую громкую роль вымышленное лицо сыграло не в лавке, а на троне. Английские юристы XVI века, при Елизавете, договорились до странного на слух: у короля два тела. Одно обычное, из плоти, — болеет, стареет, умирает. Другое, «тело политическое», — не болеет, не стареет и не умирает вовсе. Когда государь испускает дух, строгий юрист скажет не «король умер», а «король сместился»: тело политическое просто переехало в нового человека.

Отсюда и клич, который ты слышал сто раз и не задумывался: «Король умер — да здравствует король!» Между двумя его половинами нет и мгновения пустоты — плоть ещё не остыла, а корона, та самая бессмертная корпорация из одного лица, уже на другой голове. Престол не пустеет ни на миг, потому что сидит на нём не человек, а вечное лицо, которое человек лишь на время собою заполняет.

Ту же машину мы гоняем и сейчас, только без королей. «Государство» взяло в долг сто лет назад — платит нынешнее, хотя ни одного тогдашнего министра нет в живых. Оно и есть бессмертное лицо; мы в нём — сменный состав.

Только не думай, что Европа приняла римское наследство с распростёртыми объятиями. Когда с XII века юристы принялись вытаскивать римские тексты и прикладывать их к жизни, для многих это обернулось бедой. Римское право знает собственность как абсолютное «моё» — *dominium*, полную власть хозяина над вещью. Удобно для корпорации; удобно и для господина, который вдруг объявляет, что земля, веками кормившая деревню по обычаю — общий лес, выпас, речка, — на самом деле его частная собственность, и он волен делать с ней что пожелает.

В германских землях это копилось десятилетиями и рвануло Крестьянской войной 1525 года. Из сотен крестьянских списков требований больше восьмидесяти процентов били в одну точку — верните доступ к общинному: к лесу, к лугу, к реке. Учёных юристов с их «чужим кодексом», которым у мужика отнимали вековые права, крестьяне поминали как грабителей — почище старых господ; недаром ходила присказка «юристы — плохие христиане». И тут стоит быть честным до конца: римское право не только несло рынок, город и суд — оно же дало сильным удобный язык, чтобы прибрать к рукам общее.

Чем дальше, тем настойчивее лез вопрос, который Иннокентий IV вроде бы закрыл: а это лицо — оно вообще что? Пустая выдумка, ярлык, наклеенный государством, — или всё же кто-то живой?

В XIX веке юристы схлестнулись всерьёз. Немец Савиньи держался «теории фикции»: корпорация — чистая выдумка закона, своей воли у неё нет, государство её сотворило — государство и вправе распустить. Его земляк Гирке возражал: да нет же, объединение — живой организм, у него есть собственная общая воля, оно реально, и права у него свои, а не подаренные сверху. Спор был не кабинетный. Если корпорация — живое существо со своими правами, тогда и церковь, и профсоюз, и университет вправе жить по-своему, а не с дозволения чиновника. Если пустая фикция — государство им хозяин.

И спор этот не думал заканчиваться — он дожил до наших газет. В 2010 году Верховный суд США решил (дело *Citizens United*): у корпорации есть право на свободу слова, а значит, ограничивать её траты на политику нельзя. Четыре года спустя, в деле *Hobby Lobby*, тот же суд признал за компанией ещё и религиозные убеждения — право по совести не исполнять общий закон. Вымышленное лицо, которому Иннокентий отказывал в душе, дотянулось до прав, писанных для живых людей. Несогласные судьи возмущались ровно по-средневековому: нет у корпорации ни ума, чтобы иметь мнение, ни души, чтобы во что-то верить; она не из тех «Мы, народ», ради кого писали конституцию. Восемь веков прошло, а спорим о том же: маска — это всё-таки маска или уже лицо?

Тут напрашивается вопрос на засыпку: да так ли это важно? Ну не было у кого-то бессмертного юрлица — велика ли беда?

Экономист Тимур Куран посвятил этому целую книгу — и ответ у него невесёлый. Исламское право, пишет он, знало только живого человека: корпорации в нём нет, хотя из римского права оно позаимствовало немало другого. Вместо неё Восток пользовался «вакфом» — благочестивым фондом, куда навечно замораживали имущество на богоугодное дело. Там, где на Западе университет был корпорацией, на Востоке медресе держалось вакфом; что у одних делала компания, у других делал застывший фонд. И вот беда: вакф нельзя переиначить, он связан волей учредителя намертво — не умеет расти, сливаться, менять дело под новое время.

Капитал в нём копится, но затвердевает. Предприниматель остаётся мелким и политически слабым: большого долговечного тела, которое пережило бы хозяина и говорило с властью на равных, ему просто не из чего собрать. По Курану, это одна из причин, почему богатейший когда-то Ближний Восток на века отстал. (Тезис спорный, экономисты его до сих пор ломают, — но вопрос он ставит ребром.)

Похожее и в Китае: там были могучие родовые тресты — общая земля клана, общая касса, — но это оставалось делом крови и предков, а не отвлечённым лицом, годным связать чужого с чужим. Свой собственный «бессмертный, которого нет» — изобретение редкое. Большинство великих цивилизаций так его и не сделали. Обходились — но дорогой ценой.

Тогда по каким законам живёт Израиль?

Так и тянет ответить — по ветхозаветным, он же еврейское государство. А приглядишься к устройству — почти всё в нём римское, доехавшее через Европу.

Гражданский костяк израильского права пришёл не с Синае. Сперва — османский Гражданский кодекс (Меджелле): по строю европейский кодекс, по материалу мусульманское право — обязательства, имущество, торговля, товарищества; на Синае он не бывал вовсе. Потом британцы принесли своё — ордонансы о компаниях, о векселях, о банкротстве. Потом уже сам Израиль дописал законы, всё ближе к континентальному европейскому образцу. Израильская компания «бе-эм», с ограниченной ответственностью, по Закону о компаниях 1999 года — это ровно тот римский вымышленный бессмертный собственник, которого мы весь текст и разглядываем: акционер рискует только вложенным, у компании — свой карман. Не Моисей это придумал — это Ульпиан, доведённый средневековым папой и европейскими юристами до современной формы.

А Тора? Она в Государстве Израиль оставлена за важным, но узким углом — за личным статусом: браки и разводы евреев ведут раввинские суды по Галахе. Это не устройство государства, это область семьи и святости. Само же государство — его суды, компании, договоры, реестры, налоговая — работает на римском праве, как и вся Европа.

И тут важно не передёрнуть. Библейский закон не «хуже» и не «примитивнее» римского — он попросту про другое. Он никогда и не брался изобретать корпорацию, вексель и гражданский процесс; он про завет, святость и принадлежность Богу. А чтобы вертеть современное государство — с его канцелярией, биржей и бессмертными компаниями — на всей земле есть лишь одна готовая правовая машина, и она РИМСКАЯ. Израиль взял её не из нелюбви к Моисею, а потому, что другой такой на свете просто нет.

Стоит держать в голове, когда в очередной раз слышишь красивое: такая-то держава «становится новым Римом» — с орлами, колоннами и сенатом на вывеске. Настоящий Рим в твоей жизни не в колоннах. Он в невидимом БЕССМЕРТНОМ ЛИЦЕ, которое сегодня перечислило тебе зарплату. Эту штуку не высосали из воздуха под звук фанфар — её выдумали конкретные люди, две тысячи лет назад назвали, тысячу лет спустя достроили на монастырском дворе и ещё несколько веков доводили до нынешнего вида. Институт — это не дух, который перелетает из империи в империю. Это очень долгая, очень кропотливая выдумка, которую кто-то однажды придумал и с тех пор никто не смог её похоронить.

Как и полагается бессмертному, которого нет.

Глава 2. Cloaca

Ты нажимаешь кнопку — и говно смывается. Открываешь кран — льётся чистая вода. Ты не думаешь об этом ни секунды: труба увела, труба принесла, где-то там город сам разобрался, куда деть то, что ты смыл, и откуда взять то, что ты пьёшь. Это самое незаметное удобство на свете — и одно из самых недавно возвращённых, потому что человечество его один раз уже теряло.

А сама затея — что нечистоты уводят прочь по трубе, а воду подводят по трубе, и что это забота не твоя личная, а общая, городская, — придумана в Риме. Причём так основательно, что кое-что из построенного тогда работает по сей день.

В самом сердце Рима, под Форумом, лежит труба, которой около двух тысяч шестисот лет, — и она всё ещё сливает воду в Тибр. Называется Cloaca Maxima, Великая Клоака. Заложил её в VI веке до нашей эры царь Тарквиний Древний с сыном: там, где потом встанет центр города, была гнилая болотистая низина, и, чтобы её осушить, этруски прокопали огромный отводной канал. Форум вообще существует лишь потому, что Клоака высушила под ним землю. Сперва это был открытый ров, обложенный камнем; веками позже его перекрыли сводом — и получилась подземная река нечистот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.